

Как-то вечером в конце второго лунного месяца Чэн Фэнтай отправился играть в маджонг. Прибыв на место с опозданием, он увидел, что все четыре стола уже заняты. За одним из них сидел Шан Сижуй в бордовом пальто из парчи, рукава и ворот которого были оторочены тонким лисьим мехом. Заострённый подбородок и белая нежная кожа лица делали его похожим на богатого и изящного молодого господина из семьи землевладельцев.

— О! Шан-лаобань! Играете в маджонг? — изумился Чэн Фэнтай, ведь вообще-то Шан Сижуй редко садился за игорный стол.

При виде него актёр улыбнулся и тут же поманил его:

— Второй господин, идите сюда! Вытяните для меня костяшку!

При этих словах все игроки обернулись к Чэн Фэнтаю, ведь обычно именно таким трюком он привлекал внимание красавиц, а нынче, напротив, красавчик воспользовался этим приёмом против него самого — это в самом деле было в высшей степени занятно!

Чэн Фэнтай также нашёл это любопытным. Сняв перчатки, он потёр ладони и подошёл поближе, оперевшись на спинку стула Шан Сижую, после чего склонился над столом, чтобы вытянуть костяшку. Молодой человек при этом ощутил прохладный аромат табака — этот приятный запах чем-то напомнил ему травы от кашля.

— У меня сошлось! — с этим возгласом сидящий справа игрок открыл свои костяшки.

— Ай-яй-яй, этот Чэн не сумел принести Шан-лаобаню удачу, виноват! — С этими словами Чэн Фэнтай снял с пальца перстень с драгоценным камнем и надел на руку актёру. — Примите это в качестве компенсации!

Шан Сижуй никогда не отказывался от подарков. Потрогав ещё тёплый золотой ободок, он с улыбкой ответил:

— Мы со вторым господином виделись всего-то несколько раз, а я уже получил от него три перстня.

— Ах, да! — отозвался Чэн Фэнтай. — И сколько раз в таком случае вы должны выйти за меня замуж?

Толпа взорвалась хохотом. В самом деле, второй господин Чэн был весьма остёр на язык, не щадя решительно никого. У поднятого на смех Шан Сижую тотчас заалели уши и, вконец смутившись, он оттолкнул Чэн Фэнтая.

Тот, выпрямившись, во всеуслышание провозгласил:

— Третьего числа следующего месяца в моём доме устраивается торжество по случаю того, что моему сыну исполняется месяц [1]. Я знаю, что все вы люди занятые, а потому уведомляю вас заранее — прошу, отложите другие визиты, вы непременно должны прийти!

[1] В Китае принято отмечать несколько «младенческих юбилеев»: на три дня, месяц и сто дней.

Подробнее см. в примечании под главой.

— У вас в семье ещё один молодой господин? — принялись спрашивать собравшиеся. — Это уже третий?

— Я в самом деле надеялся, что будет дочка, — вздохнул Чэн Фэнтай. — Кто же знал, что опять родится мальчик. Я просто места себе не нахожу.

— Хватит сыпать соль на рану, — со смехом пожурил его кто-то из игроков. — В нашей семье уже четыре дочери — и мы всё никак не можем дожждаться сына.

— Так давайте поменяемся? — с сияющими глазами предложил Чэн Фэнтай.

Его собеседник посмеялся, но не принял его слова всерьёз.

— В самом деле! — настаивал Чэн Фэнтай. — Если к моему сорокалетию у меня всё ещё не родится девочка, то я попросту подыщу её на стороне. Так что если у кого-то из господ есть нежеланная дочь, то через пару лет просто отправьте её мне!

Никто не обратил внимания на эту чепуху, но Шан Сижуй сказал:

— Гм, а мне тоже нравятся девочки. Они заботливые и почитают родителей.

Встретив в нём родственную душу [2], Чэн Фэнтай подтащил стул и, усевшись рядом, завёл с Шан Сижую беседу о дочерях.

[2] Родственная душа — в оригинале 知音 (zhīyīn) — в пер. с кит. «знаток музыки», обр. также в знач. «близкий, душевный друг». Эта идиома восходит к истории друзей Юй Боя и Чжун Цзыци — см. примечание 17 к главе 9.

— Шан-лаобань, — наконец предложил он. — Третьего числа я хочу, чтобы у меня выступала группа «Шуйюнь» — скажу это вам лично, чтобы не посылать приглашение с нарочным. В этот день в моём доме будут только представления с участием амплуа дань и циньи — чтобы наконец приманить мне дочь. Так вы выступите для меня? Если призыв дочери окажется удачным, это будет исключительно заслугой Шан-лаобаня!

— Если рождение вашей дочери будет заслугой Шан-лаобаня, — со смехом сказал кто-то из игроков, — то придётся порасспросить вторую госпожу, чьё же это произведение?

— Каков пошляк! — Скрипнув зубами, оскалился Чэн Фэнтай, стукнув говорившего. — Ни стыда, ни совести [3]! — Затем он вновь принялся упрашивать Шан Сижую: — Вы можете исполнить что пожелаете, в том числе и переработанную пьесу — ручаюсь, что в моём доме никто не посмеет обливать вас кипятком.

[3] Ни стыда, ни совести — в оригинале 面皮 (pí yǎng) — в букв. пер. с кит. «кожа зудит», обр. в знач. «не следовать правилам приличия», «напрашиваться на драку».

Шан Сижуй хотел было сказать: «Меня волнует не то, обольют меня кипятком или нет — в конце концов, я к этому уже привык — но что если там будет ваша старшая сестра, Чэн Мэйсинь? При виде меня она наверняка не сможет сдержать раздражение и примется чинить неприятности». Однако, раз уж Чэн Фэнтай не принимал недовольство сестры всерьёз, Шан Сижуй также решил не обращать на неё внимания, а потому тут же согласился на приглашение и принялся обсуждать репертуар со вторым господином.

Чэн Фэнтай всегда отличался оригинальностью; во всяком случае, находились люди, которые потакали его идеям, да и с финансовыми возможностями для их воплощения у него проблем не было. Третьего числа в резиденции Чэн в самом деле представляли исключительно амплуа дань. Шан Сижуй в ущерб своему делу отменил все представления на этот день, чтобы выступить на семейном торжестве Чэн Фэнтая. Он собирался исполнить серию небольших отрывков, а потому взял с собой нескольких лучших актёров из труппы «Шуйюнь», а также своего личного аккомпаниатора — дядюшку Ли. Чэн Фэнтай отвёл им отдельную комнату, велел поставить там несколько туалетных столиков, освещаемых электрическими лампочками, и всё равно ему казалось, что он недостаточно внимателен к актёрам. Перед представлением он самолично забежал в гримёрку, чтобы поприветствовать их:

— Шан-лаобань, Жуй-гэ-эр, вас всё устраивает? В коробке лежат лёгкие закуски, прошу, угощайтесь! В коридоре ждёт слуга — если вам что-то потребуется, зовите его, он тут же явится!

Шан Сижуй как раз гримировался — взяв щепоткой горстку белил, он равномерно наносил их на руки, отчего кожа становилась белоснежной и прозрачной, словно иней. Другие актёры оперы частенько пренебрегали нанесением грима на руки, а потому при том, что на сцене их лицо было бело-розовым, будто цветы персика, стоило им застыть в красивой позе с веером, тут же бросались в глаза жёлтые загорелые руки, что выглядело весьма негармонично. Шан Сижуй перенял этот приём в Шанхае, у актрис шаосинской оперы.

Молодой актёр неторопливо надел два блестящих перстня, после чего с улыбкой взглянул через зеркало на Чэн Фэнтая:

— Всё прекрасно. Мы доставили второму господину столько хлопот.

Чэн Фэнтай продолжал смотреть на его руки в отражении — они были изящнее и белее, чем у женщин и даже юных девушек. Ему в самом деле хотелось сжать эти руки в ладонях и потискать, а затем укусить. Чэн Фэнтай всегда и везде был человеком действия, так что не привык довольствоваться одними лишь фантазиями. Под предлогом праздной болтовни он поднял занавеску и вошёл в комнату. Там он схватил Шан Сижую за руку, перевернул её, погладил, а затем, осмотрев, вновь коснулся её со словами:

— Ах, Шан-лаобань, разве это не те перстни, которые я вам подарил?

Шан Сижуй не понял его скрытых намерений, а потому позволил Чэн Фэнтаю играть с его руками, пока тот не стёр с них почти весь грим.

— Они самые — неужто второй господин настолько быстро забыл собственные вещи?

Чэн Фэнтай кивнул, восхищённо воскликнув:

— Да... Они так ярко сияют — словно в них заключена безбрежная водная ширь! И почему я раньше этого не замечал?

При этом непонятно было, хвалит он перстни или же что-то другое...

Пока Чэн Фэнтай заигрывал с актёром на заднем дворе, в саду уже собралось множество гостей. Прибыл и его зять, главнокомандующий Цао, со своей супругой Чэн Мэйсинь. Чету сопровождала личная охрана, вдоль стены выстроились навтыжку вооружённые солдаты, у каждых ворот позиции заняли ещё по двое часовых. Из-за этого гости не смели громко говорить и смеяться: они боялись, что, стоит им проявить беспечность, как главнокомандующий Цао тотчас пристрелит их.

Главнокомандующий Цао был рослым крепким мужчиной в военной форме с прямым носом и орлиным взором — настоящий северянин с небольшими усами и стриженной под ёжик головой. Он восседал посреди комнаты, положив ногу на ногу, пил чай и закусывал фундуком. Его красота была совсем иной, нежели у Чэн Фэнтая — она была грубой и дикой, даже варварской — своего рода первобытная мужественность. Однако эта суровая красота пропадала втуне, ведь никто, кроме его супруги Чэн Мэйсинь и его подчинённых, не осмеливался взглянуть ему в лицо.

Чэн Мэйсинь непринуждённо помогала главнокомандующему Цао чистить орехи. Слуги, что представляли её глазам, полностью соответствовали богатству и блеску приглашённых гостей. При виде этой праздничной суеты старшая госпожа Чэн не могла сдержать радость. Ей доставляло немалое удовольствие демонстрировать, насколько могущественна её семья, а что касается её новорождённого племянника, то ей было абсолютно всё равно, пухленький он или тощий. Навещая вторую госпожу, она заверяла, что её сын — вылитый Чэн Фэнтай в младенчестве, но на самом деле Чэн Мэйсинь не помнила, как тот выглядел, потому что ей никогда не было дела до младших брата и сестёр от других жён отца.

— А где Сяо Фэн-эр? — спросил главнокомандующий Цао, с хрустом разгрызая орех. — Почему ещё не явился?

То, как главнокомандующий Цао называл Чэн Фэнтая — «Сяо Фэн-эр» — походило на имя девушки; не зная, что и думать, все, кто слышал это, рассмеялись.

— Он только что... — ответила Чэн Мэйсинь. — А, вот и он!

Власть нафлиртовавшись с красавцем, Чэн Фэнтай уселся рядом с главнокомандующим, так и лучась радостью. Схватив со стола гость орехов, он принялся их поедать. Чэн Мэйсинь, потратившая столько времени на то, чтобы очистить орехи, которые в результате попали в ненасытную утробу её брата, не удержалась от неодобрительного взгляда. При виде Чэн Фэнтая главнокомандующий Цао тут же обрадовался и, положив руку ему на ногу, похлопал шурина по бедру. Возможно, из-за того, что между ними была существенная разница в возрасте, главнокомандующий Цао души не чаял в Чэн Фэнтае, испытывая к нему отеческие чувства.

— Сяо Фэн-эр, принеси-ка своего сына, дай мне на него взглянуть, — велел главнокомандующий Цао.

— Что хорошего в этой мелюзге? — возразил Чэн Фэнтай. — Со своими всклокоченными волосёнками он словно маленькая обезьянка. Подожди минутку, скоро начнётся опера! А ещё, старший зять, прекрати называть меня Сяо Фэн-эр — это же девчачье имя, люди услышат — поднимут меня на смех!

— Твою ж, что такого в том, чтобы называть тебя Сяо Фэн-эр? — выругался главнокомандующий, с силой хлопнув Чэн Фэнтая. — А кто сегодня выступает?

Улыбка второго господина стала загадочной и он ответил, понизив голос:

— Только не говори другим — это первый артист Бэйпина в амплуа дань, необычайно интересная личность.

Едва слышав это, главнокомандующий Цао тут же понял, о ком речь, и поднял взгляд на Чэн Фэнтая, также многозначительно улыбаясь:

— Э-э, и впрямь весьма интересная!

Стоило Чэн Мэйсинь услышать это, как её взгляд преисполнился негодованием, и она про себя покрыла Чэн Фэнтая бранью: сукин ты сын — занимаешься сводничеством прямо перед лицом своей старшей сестры! И чего ради я расточаю слова понапрасну — правильно, не обращай на меня внимания, мелкая ты скотина...

Чэн Фэнтай поболтал с главнокомандующим Цао ещё некоторое время, пока подошедший слуга не шепнул ему что-то на ухо. Второй господин Чэн тут же встал и отряхнул с одежды ореховую скорлупу.

— Старший зять, посиди пока тут, я ненадолго отойду.

Главнокомандующий Цао привык к тому, что торжественный обед всегда и везде тут же начинается с его прибытием; сегодня же из-за Чэн Фэнтая он приехал необычайно рано и, просидев без дела больше четверти часа, уже начал терять терпение.

— Младший шурина, да ты вконец обнаглел! Ещё и собрался оставить этого старика сидеть здесь?

— Старший зять, успокойся! — с улыбкой попросил его Чэн Фэнтай. — Не ставь меня в затруднительное положение! Ты же всей душой радеешь за своего младшего шурина — вот и я радею за своего, а потому сейчас должен пойти и встретить его! Я мигом вернусь и выпью с тобой три штрафные чарки! — Сказав это, он тут же улизнул, а главнокомандующий Цао со смехом послал ему вслед ещё пару ругательств.

Шурина Чэн Фэнтая, Фань Лянь, только что вернулся из Цзинаня, где он занимался некоторыми имущественными вопросами. Сойдя с поезда, он принял ванну, переоделся и тотчас отправился на банкет, да не с пустыми руками, поскольку он прихватил с собой пару гостей издалека. Увидев за его спиной молодую пару, Чэн Фэнтай сразу догадался, кто это — и в самом деле сияющий Фань Лянь представил их:

— Старший зять, это мой старший двоюродный брат, Чан Чжисинь, и его супруга Цзян Мэнпин.

Чан Чжисинь был мужчиной слегка за тридцать в чёрном костюме и очках в черепаховой оправе, с длинными тонкими бровями, ясными глазами и высокой прямой переносицей — с первого же взгляда все понимали, что перед ними талантливый человек с сильным характером. Рядом с ним стояла Цзян Мэнпин в розовом драповом пальто, расстёгнутые пуговицы которого открывали новое шёлковое ципао. Её завитые на кончиках волосы по бокам были заколоты парой шпилек со стразами из горного хрусталя, на лице — лёгкая косметика; таков был образ современной модной молодой госпожи.

При виде Чан Чжисиня Чэн Фэнтай тут же воздал должное его талантам и тепло пожал ему руку. Про себя же он подумал, что дети от младших жён всегда красивее, чем от первой жены — у него перед глазами было несколько подтверждений этому. К примеру, он сам и Чача-эр красивее, чем их старшая сестра Чэн Мэйсинь; Фань Лянь и Фань Цзиньлин также красивее, чем его вторая госпожа — вот и Чан Чжисинь был типичным красавцем. А Цзян Мэнпин, напротив, оказалась не такой красивой, как он ожидал — хоть она была весьма привлекательна, в фантазиях Чэн Фэнтая она была способна затмить луну и посрамить цветы — а потому теперь он чувствовал себя несколько разочарованным.

— Я встретился со старшим двоюродным братом в Цзинане, — пояснил Фань Лянь. — А поскольку он как раз собирался в Бэйпин по рабочему делу, мы поехали вместе.

Хозяин дома по-прежнему сжимал руку Чан Чжисиня, продолжая её трясти.

— Господин Чэн, я весьма о вас наслышан! — сказал тот с лёгкой улыбкой. Второй господин также заверил, что давно хотел познакомиться с Чан Чжисинем, и это была не пустая вежливость: поскольку Фань Лянь был настоящим кладёзем всякого рода историй про своего старшего двоюродного брата, у Чэн Фэнтая возникло чувство, они уже стали добрыми знакомыми.

Он с улыбкой пригласил гостей в дом, заметив:

— Мы же одна семья, какой ещё господин? Зовите меня просто младшим двоюродным зятем!

— Хорошо, младший зять! — согласился Чан Чжисинь. — Как поживает младшая двоюродная сестрица? К своему стыду из-за того, что тётя вышла замуж и уехала в дальние края, я никогда не встречался со своей серьёзной и порядочной младшей кузиной, а вот со своим младшим кузенком из диких земель, напротив, знаком очень хорошо.

— Разве нам не стоит сперва повидаться с младшей кузиной? — с улыбкой спросила Цзян Мэнпин.

Всего одна фраза — а внутренности Чэн Фэнтая будто огладила белоснежная, словно молоко, нежная маленькая ручка. Казалось, в целом мире не существовало столь же прекрасного голоса — он журчал, словно тонкая струйка чистого и прозрачного родника, так что речь гостя звучала мелодичнее песни. Чэн Фэнтай вновь обернулся к Цзян Мэнпин, и та, кивнув, одарила его сердечной улыбкой, которая источала ощущение благоуханного тепла, словно розовый цветок гибискуса, распутившийся на снежном поле, вызывая невыразимые ощущения мягкости и очарования, пленительные и волнующие.

Чэн Фэнтай вздохнул про себя: «Так вот из-за кого в тот год Пинъян лишился покоя — и сегодня я в это поверил».

После этого супружеская чета Чан нанесла визит второй госпоже. Чан Чжисиню неудобно было входить в спальню хозяйки, а потому он лишь остановился у дверей, справляясь о её здоровье, поклонился и ушёл восвояси, а Цзян Мэнпин присела на краешек кровати, любясь на детей и расспрашивая женщин. При этом она лучилась столь искренней доброжелательностью, что даже такая холодная и горделивая женщина, как вторая госпожа, не могла не проникнуться к ней симпатией. Фань Цзиньлин была особенно рада её видеть — обняв за плечи старшую двоюродную невестку, она громогласно приветствовала её. Цзян Мэнпин очень ласково говорила с обеими кузинами мужа, так что, испытывая всё более глубокие чувства [4] друг к другу, они были не в силах расстаться.

[4] Проникались друг к другу всё более глубокими чувствами — в оригинале чэньюй 心心相印 (qíngtóu yìhé) — в пер. с кит. «чувства совпадают и желания едины», обр. в знач. «хорошо понимать друг друга; совпадение чувств и интересов; жить душа в душу».

Обнимая ребёнка, вторая госпожа размышляла про себя: «Так вот ради кого старший двоюродный брат отказался от семейного состояния! А Шан Сижуй был всего-навсего обычным актёром — как он мог позволить себе подобную женщину?»

У мужчин тоже хватало интересных тем для беседы.

— Старший шурина, должно быть, Второй Фань постоянно возводил на меня поклёпы, не так ли?
— спросил Чэн Фэнтай.

— Увы, это так; но сегодня я с первого же взгляда понял, что в нём говорит лишь зависть.

— Ха-ха! — оценил шутку Чэн Фэнтай. — Старший шурина, вы здесь с кратким визитом или планируете задержаться?

— Зависит от того, когда председатель комитета Цзян переведёт меня на другое место! А до тех пор не знаю, сколько ещё мне придётся затруднять вас своим присутствием.

— Председатель комитета Цзян всё ещё заведует твоими делами? — с улыбкой спросил Фань Лянь. — Обернувшись к Чэн Фэнтаю, он пояснил: — Старший двоюродный брат работает в судебной палате, вот ему и приходится постоянно переезжать с места на место.

— Старший двоюродный шурина изучал право в Университете языков и искусства? — удивился Чэн Фэнтай.

Чан Чжисинь, который тоже немало знал о жизни Чэн Фэнтая из рассказов Фань Ляня, ответил, поправляя очки:

— Раз уж младший зять изучал искусство в правовом университете, мне не оставалось ничего другого, кроме как изучать право на факультете искусств.

При этих словах все трое дружно рассмеялись. Оказалось, что Чан Чжисинь вовсе не такой серьёзный, каким казался с виду — на самом деле он был весьма остроумным человеком.

Примечание переводчика:

[1] Торжество по случаю того, что моему сыну исполняется месяц — в Китае принято отмечать

несколько «младенческих юбилеев»: на три дня, месяц и сто дней.

На третий день после родов совершали обряд купания ребёнка. С утра отец по этому случаю приносил жертвы богам и предкам. Когда кипятили воду для младенца, в неё опускали лук и имбирь, поскольку «лук» является омонимом слова «ум», а имбирь символизирует здоровье. Если малыш родился слабым, то его одевали не в новую одежду, а в ту, которая досталась ему «в наследство» от братьев, сестёр или родственников: считалось, что вместе с одеждой ребёнок унаследует от выросших детей силы и здоровье.

Иногда для того, чтобы ввести в заблуждение злых духов, ребёнка называли именами домашних животных чтобы обмануть нечистую силу. С той же целью мальчику иногда вдевали в ухо серьгу или одевали во всё женское, чтобы его можно было спутать с девочкой, ведь девочки для нечистой силы представляют гораздо меньший интерес.

В южных провинциях в этот день запястье младенца повязывали красным шнурком, к которому нередко подвешивали старинные монеты или серебряные вещицы. У колыбели вешали штаны отца, которые, как считалось, вбирали в себя вредные поветрия. На Севере в день купания новорождённого часто зажигали в доме семь лампадок, которые горели в течение семи суток. Купали же новорождённого обычно в присутствии гостей, которые приносили подарки.

По прошествии месяца после родов совершали обряды «полной луны». С утра младенцу брили голову, оставляя особую детскую причёску — пряди волос на висках и затылке. Тогда же младенцу давали имя, которое, как правило, выбирал старейший член семьи. Чтобы защитить ребёнка от нечистой силы, над ним держали зонт, на шею вешали собачью кость, а вокруг производили шум. Родственники и друзья дарили родителям ребёнка деньги в красном конверте, детскую одежду, продукты. На Севере особенно часто преподносили манты, украшенные сдвоенным иероглифом «радость», на Юге — свинину, рыбу, фрукты, раскрашенные яйца.

Когда ребёнку исполнялось сто дней, устраивалось гадание: ребёнка сажали перед алтарём предков в большой бамбуковой корзине и раскладывали перед ним различные предметы: принадлежности для письма, книги, счёты, ком земли, золотые и серебряные вещи, зеркальце, фрукты и прочее. Перед девочкой клали предметы рукоделия и домашнего обихода. Смотря по тому, что ребёнок брал в руки, присутствующие пытались угадать, кем он будет.

Информация взята из работы Ларионовой Л.Д. «Система традиционных праздников императорского Китая с древности до 1911 года».

<http://bllate.org/book/17750/1660363>